

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 9 (2496) Суббота, 29 января 1949 г. Цена 40 к.

1 стр. До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков. Вл. ЗАМЯТИН.

3 стр. Вероника МОТЫЛЕВСКАЯ. Космополиты из журнала «Театр». Алексей ЗАРИЦКИЙ.

До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков

Космополитизм — чуждость жизни и историческим интересам своего народа, холушское преклонение перед буржуазной культурой Запада и столь же холушское непонимание великой ценности могучей русской национальной культуры и культуры других братских народов СССР.

Безродному космополиту ничего не стоило отождествить героическое прошлое русского народа, народа-революционера, с образом лживого, смирного «сущестителя», каким нарисовал Луку Горький, а величественное будущее этого титанического народа — с фигурой Сатина, способного произносить благородные слова и красиво мечтать, но не способного ни к какому труду, принципиально не желающего трудиться, беспяточного анархиста, который, как писал Горький в одной из своих статей советского периода, неизбежно превращается во врага новой социалистической России.

В области театральной критики сложилась антипатриотическая группа носителей враждебного нам безродного космополитизма, последней буржуазного эстетства. Развинуто и со всеми удобствами расползлась она в театральной критике.

Теоретика своеобразного «единства волков и овец» является главной «идеей» Юзовского во всех его многочисленных писаниях о Горьком. Старика-работого Левшина в пьесе «Враги», пришедшего к идее пролетарской революции, но еще сохраняющего множество христианских пережитков.

Враждебная советской драматургии «деятельность» этой антипатриотической группы мешала развитию советской художественной литературы, пыталась заставить советскую драматургию отступить перед трудностями ее новаторства, величественных задач и капитализировать перед космополитической буржуазной драматургией.

Горький в лице Левшина хотел показать, какими путями представители отсталых слоев рабочего класса приходят к идее пролетарской революции. Отождествив христианствующий гуманизм Левшина с божьим, революционным гуманизмом Горького, Юзовский объявил главной чертой горьковского гуманизма... «сострадание» к врагу!

Критики из антипатриотической группы действовали двуручными методами. На страницах специальной прессы («Советское искусство», «Театр»), на собраниях в ВТО они высказывались с большей или меньшей откровенностью. В других газетах и журналах они печатались гласно, «обтекаемо» статьи и рецензии, прилагая все усилия к тому, чтобы не обнаружить своего глубокого равнодушия и нелюбви к советской драматургии.

Горький вел упорную борьбу с расслабляющей, тупишной «жалостливостью» к врагу, он ненавидел такую жалость, боролся против нее в своей знаменитой полемике с Достоевским, с толстовщиной. А Юзовский настойчиво проповедует сострадание к кровавым палачам вроде Скобцова и его супруги Клеопатры, роковой смерти тех буржуазных дам, которые вылаивали зонтами глаза у раненых парижских коммунаров!

Прямо горьковского гуманизма Юзовский пытается раскрыть в таком рассуждении: «Скобцов — враг Левшина, Левин об этом знает, этой враждебности он не забывает и сам от нее не отстраняется. Он не думает «простить врагу»... Левин остается на земле и «перед лицом смерти» говорит не о «небе», а о том, что «из-за коней пропадем». «Копейка», которая одним конном ударила по Скобцову, а другим — по Анне. «Все люди», — говорит он Пале, — связаны медной копейкой».

Итак, по Юзовскому оказывается, что миллионер страдает от своих миллионов, фабрикант от своей фабрики, помещик от своих поместий и т. д. Именно такие рассуждения характерны для социал-оптимистов всех типов и рангов, действующих перед эксплуататорскими классами.

Характерно, что когда Юзовскому, в нескольких критических выступлениях на страницах нашей печати в 1940 году было ясно и прямо сказано об антимарксистской сущности этой и многих других его «концепций», то распавшийся космополит ответил наиболее нагло из множества его наглых статей. И все это во встрече отпора. Наоборот, его книга «Драматургия Горького» была высоко поднята на штит сдобами из Объединения театральных критиков ВТО.

И вот с такими-то теоретическими, «идейными», «философскими» и политическими предположениями подошли к атеистическим критикам к советским драматургам, поучая их, иронизировали, насмехались, «руководили!» На чем же основывались их авторитет? На знаниях? Но эти критики в большинстве просто невежественны, у них мало знаний, и теоретических, и фактических.

рассматривал советскую драматургию, так сказать, с высот мировой классики и, выхватив тот или другой образ классической драматургии, превращал его в дубину, которую и был по головам советских драматургов. Любимым его героем, которого он особенно часто использовал таким способом, являлся Гамлет. Это, по мнению Гурвича, «венец и вершина» всей мировой литературы. И вот с этой-то вершины Гурвич и рассматривает всю советскую драматургию, пытаясь протоптать свою «мысль» о том, что наша драматургия не способна «представить перед нами (тоже — волашок! — Ред.) образ большого человека».

Гурвич третирует советских драматургов на том основании, что они якобы предподает «историю» мягкой и трогательной. Она, советская драматургия, «не удовлетворяет» этих «тонких эстетов» своим «примитивизмом», своей «ограниченностью». А на самом деле она не «кустаривает» их своим патриотизмом, своей партийностью, цельностью, душевной прямоотой своих героев, чуждых какому бы то ни было «гамлетизму». Ах, какие излишне цельные, излишне прямые эти люди, изображаемые советскими драматургами, эти большевики, партийные и беспартийные! Вот бы «гамлетизм» им посулить, — такой смысл всей этой, в сущности, идеологической диверсии! И толкует Гурвич вовсе не по настоящему, сильно, цельно творчеству Шекспира, а именно по гамлетизму, по раздвоенности, колебаниям, сомнениям!

За всю свою многолетнюю критическую деятельность А. Гурвич занимался только дискредитацией советской драматургии, доброго слова не сказал о ней. Такой этот «критик»-космополит, далекий от чувства радости, гордости за отечественную драматургию и полагающий, что критика есть не что иное, как брожение, тоска по тому, «чего нет на свете, нет на сцене», как выдала когда-то декадентская поэтесса Э. Гиппиус. А на самом деле все тоска этих вечно недовольных, всегда скептически брожащих «борнов за высокую художественность» сводилась ни к чему другому, как к откровенно выраженной Юзовским в его книге «Вопросы социалистической драматургии» тоске по формалистскому искусству. Народ отвергал буржуазно-бездумное, буржуазно-бесчеловечное, шуткарское «творчество» некоторых режиссеров-декадентов, а критик-космополит, худитель советского театра и советской драматургии, Юзовский танцует к этому «творчеству». Оттого-то такие критики и разлагаются так много о якобы существующей у нас «инвизирующей» театров, что хотят свободы для эстетско-формалистского искусства, чуждого социалистическому реализму.

Столь же последовательно, как и Гурвич, выступал против божьей, партийной, патриотической советской драматургии и А. Борщаговский, получивший печальную известность в 1940 году своей издательской оценкой пьесы А. Корнейчука «В степях Украины».

Выступая в 1947 году с докладом о репертуаре советских театров в Центральном доме литераторов, он подверг грубому публичному «разосу» пьесы А. Суrowа «Большая судьба» и Н. Вирты «Хлеб наш насущный». Высокомерно поучая драматургов, как надо писать пьесы, Борщаговский скромно умолчал о том, что пьесы и сценарии «созданные», точнее, сфабрикованные им самим, не имели никакого успеха по причине их крайне низкого идейного и художественного уровня.

С тех же антипатриотических, эстетски-формалистских позиций пошел А. Борщаговский в пьесах А. Софронова «В одном городе», «Московский характер» и А. Суrowа «Зеленая улица» в докладе на «творческой» конференции (1948 г.), организованной комиссией по драматургии Союза писателей, Комитетом по делам искусств и ВТО. В этом докладе Борщаговский яростно ополчился на художественного руководителя Малого театра К. Зубова только за то, что он «осмелился» поставить пьесу А. Софронова «Московский характер» на сцене театра и защищать ее от несправедливого критика.

атре якобы превосходит некий процесс «инвизирующая». Видно, поэтому Бояджиев вводит в своей книжке «Театральность и правда» вместо понятия социалистического реализма другое понятие: «искусство подлинной, реалистической театральности».

По какой уж тут «реализм», когда речь идет об эпигонском подражании французскому ложноклассическому театру! Пьеса «тонкого» эстетца не помешала Г. Бояджиеву (в содружестве с Ю. Чепурным) написать пошлейшую, бездарную пьеску «После грозы», клеветнически изобразившую последний быт советских людей. Г. Бояджиев в своей пьесе обогатил быт и чужбы советских людей, создав эпигонское произведение в духе Арпышева и Вербицкой.

Вот такие критики смеют устанавливать эстетические законы для советской драматургии! К антипатриотической группе театральных критиков принадлежат и Л. Малюгина. Стремясь отгородить нашу драматургию от жизни народа и Родины, замкнуть ее в узком мире мелких, комнатных, обывательских интересов, Л. Малюгина писала: «Нас не удовлетворяют те пьесы, где авторы вдохновенно описывают общественную деятельность героя, его творческую работу и стремятся его витимыми переживаниями». И так, если в пьесе есть хоть какое-то изображение труда героя, его борьбы за новое и передовое в нашей действительности, то нет «итимной» жизни, то такая пьеса обязательно плоха!

Эстетско-космополитические взгляды привнес Л. Малюгина к воинствующей апологетической книге В. Сахаровского «Мысли о ре-«осусре»», целиком проинкулированной низкопоклонством перед Западом. В своей статье, напечатанной в газете «Советское искусство» и посвященной защите книги В. Сахаровского, Л. Малюгина утверждала, будто бы гениальный русский художник К. С. Станиславский «плодотворно» учился у западноевропейских буржуазных режиссеров. Л. Малюгина ставит в своей статье демagogический вопрос: «С каких это пор Россия — не Европа, русская культура — не европейская культура?»

Постановкой такого вопроса он выдает себя за голову. Современным буржуазным историкам искусства сознательно игнорируют приоритет русского искусства. Они игнорируют и национальные особенности и своеобразие развития русской литературы, театра, музыки. Вся сущность процесса развития русского искусства они сводят к заимствованию из искусства других стран. По пути этих буржуазных «теоретиков» шествует и Л. Малюгина.

В своих собственных драматургических писаниях Малюгина отдала большую дань американской драматургии, состряпав сценария Рискина пьесу «Дорога в Нью-Йорк» и написав по американским рецептам свой киносценарий «Поезд идет на Востоке».

Создать стену между театрами и авторами — такой смысл этих рассуждений. Критик Е. Холодов на совещании в ВТО вел атаку против пьес «Хлеб наш насущный» и «В одном городе».

Критик Я. Варшавский также в последние стремился (на многостраничных страницах) принизить идейно-художественное значение пьесы «В одном городе». В статье, уже самое название которой является запощающим: «Будни одного города», Я. Варшавский утверждал, что «там, где спектакль изображает будни советских людей, он сам, к сожалению, становится будничным». И далее: «Мы знали его (А. Софронова. — Ред.) до сих пор, главным образом, как поэта, — тем более удивительно, что он так прозаичен в этой пьесе... излишне «буничной». То подавай им, этим капризным снобам, Гамлета, то тургеневский Верочку, то Расина, — кто их знает, чего они еще захотят, лишь бы принизить советскую драматургию».

«Литературная газета» не раз выступала против космополитов, эстетствующих формалистов: формалистско-эстетской линии газеты «Советское искусство». «Литературная газета» провела идейный бой с «Советским искусством» по поводу реакционной книги В. Сахаровского, подвергая в ряде статей новые советские пьесы и спектакли, в том числе «Большая судьба» А. Суrowа, «Жизнь в пиджаке» А. Якобсона, «На белом свете» П. Нилина, «Генерал Ватутин» Л. Дмитрико, «В одном городе» А. Софронова, «Дни и ночи» К. Симонова, «Великая сила» Б. Ромашова, «Закон чести» А. Штейна, «Макар Дубрава» А. Корнейчука, пьесу П. Павленко и С. Разинского «Снасть» и другие. В реакционной статье «О чем говорит театральная обшма» «Литературная газета» выступила в защиту пьес Б. Ромашова, Н. Вирты, А. Штейна и одновременно подвергла критике поверхностные пьесы невысокого идейного уровня.

Однако, «Литературная газета» за полтора года напечатала мало статей по вопросам театра. Сашинко мало на ее страницах было обобщающих, программных выступлений по этим вопросам. «Литературная газета» недостаточно поддерживала новое и передовое в театре, слабо разоблачала консервативное и реакционное. «Литературная газета» совершила и прямую ошибку в вопросе об отношении к современному репертуару и в частности к спектаклю «Московский характер». В редакционном отчете с шрецинонимным заголовком «Разговор о судьбах репертуара» («Литературная газета» от 4 декабря 1948 г.) она фактически пошла на шит порочный доклад А. Борщаговского на совещании о новых пьесах и присоединилась к его злопыхательским выпадам против постановки современных патриотических пьес на сцене Малого театра.

В течение долгого времени антипатриотические критики оставались неразоблаченными. На недавнем пленуме правления ССП было положено начало разоблачению и идейному разгрому их взглядов «идеями». Мы обязаны до конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков и все ее тлетворные влияния, следы которых можно обнаруживать и в печати, и в деятельности ВТО, и в стенах Государственного института театрального искусства.

На пленуме правления ССП тов. А. А. Фадеев справедливо напомнил: «Ведь если бы мы не вынуждены были тратить драгоценное время на то, чтобы защитить ростки нового в советской драматургии от враждебного к ним отношения, мы могли бы на всех этих совещаниях, и особенно здесь у нас на пленуме, с полнотой выставить наши эстетические требования, требованый социалистического реализма, разоблачить все действительные художественные недостатки лучших наших пьес и тем самым вынудить вперед дело развития советской драматургии».

Вл. ЗАМЯТИН Здесь лесам шуметь...

Тут встанут клены и дубняк. — Вот тут — шуметь лесам! Сказал великий Сталин нам. Сказал — и будет так! Прохожим зеленою густой Кивают деревья. Встает защитной полосой Ветвистая краса. Деревья выстроились в ряд — И тут и там — кругом. В их стойкость прочная солдат! Им буря ничтожна! Леса, леса — со всех сторон. Поклонятся полям. Зеленый встанет тут заслон. Назло сухим ветрам. Взмахнут ветвями — Ему не угрожай! Им засуха, ни градобой Не тронут урожай. Пусть сухой ветер начнет везенья. Пусть листья обожмет. А травы будут зелены. А колос будет наш полей. И снова — хлебный год! Пускай жара — средь степняка. Но тут — ей вопреки, — Как на часах, — вдоль большака — Фруктовые ростки: Шагает весело в рассвет Мичуринский огренок. Прождет, дружка, немного лет — Тут будет лес и сад... И пусть жара в моем краю, — Дорога далека, — Присядь, товарищ, на скамью, Что возле большака. Ты грушу — лучшую сорви, что тянет ветку вниз, На мягком холоде травы, Как в детстве, потянись. И будет свежа — край родной. И будешь слушать ты, Как падают на шар земной Тяжелые плоды, Как по накапу всех аллей Грузовики идут с полей, Как мимо клеов и сосны, Шурика травой густой, Теряи движутся, помы Пшеницы молодой. Она звонка, она тепла. Играет на возгах. Вокруг полей, Вокруг села — как на часах.

70-летие П. П. Бажова

ПРИВЕТСТВИЕ ЮБИЛЯРУ

Дорогой Павел Петрович! Правление Союза советских писателей СССР приветствует Вас в связи с 70-летием со дня Вашего рождения и 30-летием творческой деятельности. Ваша чудесная «Малахитовая шкатулка» стала одной из любимейших книг советских читателей.

Партия и правительство высоко оценили Ваше творчество, наградив Вас орденом Ленина и присвоив Вам звание лауреата Сталинской премии. Народ, Ваши читатели облекли Вас высшим доверием, избрав своим депутатом в Верховный Совет СССР. Ваше творчество дорого всем читателям нашей страны. «Малахитовую шкатулку» с увлечением читают все народы Советского Союза.

Новые материалы о Белинском

На-днях в Институте мировой литературы имени Горького Академии наук СССР доцент М. Поляков выступил с докладом: «Студенческие годы Белинского». Основываясь на многих, ранее неизвестных архивных материалах, докладчик нарисовал яркую картину студенческих лет Белинского. Составленные Белинским конспекты лекций по русской истории Погодина в конспекте чтеций по эстетике Надеждина раскрыл круг философско-исторических идей на лекциях. Новые документы показывают, что «кажонкошутки» студент Белинский находился в тесной связи с различными студенческими кружками и, в их числе, с «тайным польским литературным обществом». Здесь он встречался со многими участниками польского восстания 1830—1831 годов. Недаром в одном из писем Белинский впоследствии сообщил, что слышал о подавлении польского восстания «от очевидцев». В докладе ректора университета московскому генерал-губернатору дается резко-отрицательная характеристика политическому поведению Белинского. Все это по-новому освещает вопрос о причинах исключения Белинского из Московского университета, — оно было актом мести не только за драму «Дмитрий Калинин», но и за широкое участие в политической жизни университета. В обсуждении доклада М. Полякова приняли участие проф. Н. Бродский, проф. А. Лаврецкий, М. Добрянин, В. Нечаева и другие.

Новый славный почин Москвы

— Да, вы видите у нас, на «Брасном Октябре», и лучшего в стране начальника цеха, и первоклассных сталеваров, и автоматизацию на отдельных печах, и сталь самая дешевая на металлургическом юге, и деремся мы за то, чтобы она стала самой дешевой в стране... Новое в производственном процессе, в технологическом процессе вы найдете у нас, на «Красном Октябре», и на соседних с нами «Баррикадах», и уж, конечно, на Тракторном заводе. Мы создаем свое место в рабочем строю — мы же сталинградцы! До все-таки, все-таки...

Иван Прохорович Алешкин, мастер металлургического завода «Красный Октябрь», депутат Верховного Совета СССР, рассказывавший нам о новом на заводе Сталинграда, сделал паузу и затем с какой-то особенной задумчивостью в голосе сказал:

— Москва... Она нам задает свой тон... Стар в сравнении с злыми молодыми заводами московский «Серп и молот», а все-таки мы всегда смотрим на него: что придушили товарищи москвичи, какими идеями живут они, на что они напевают?.. Она нас всех учит — Москва! И мы о каждой нашей победе спешим сообщить ей. Это уже как бы закон у нас! Москва — сердце советской Родины.

Источником живым и творческим является Москва. Знаменосцем новой эпохи стал древнейший русский город, и все города, большие и малые, равняются на Москву в своих творческих исканиях и в героических своих трудах и подвигах. От Москвы ждут они авторитетной оценки своим делам. Слово, данное Москве, почитается города на новые дела и подвиги.

Москва берет на себя почин во многих славных делах нашей эпохи, задавая тон, показывая пример другим городам. Идея досрочного выполнения послевоенной пятилетия отсюда, из нашей Москвы, проникла в сознание миллионов людей, работающих на предприятиях Урала и Сибири, Украины и Закавказья, Прибалтики и Дальнего Востока. Москвичам принадлежит идея борьбы за социалистический режим экономии в промышленности, за сверхплановые накопления; она, эта идея, породила в прошлом году целое патриотическое движение рабочих и работников в нашей стране. Московские миллиарды вошли в советскую казну, а за ними в эту же казну притекли другие миллиарды рублей со всех концов страны нашей, уносящая социалистическое богатство, мощь нашу и силу.

И. РЯБОВ

Нынче Москва выступает с новым благородным починком. Руководителя 103 заводов и фабрик Москвы и ее области подписали письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину, продиктованное хозяйской заботой о дальнейшем укреплении и повышении роли советского рубля в народном хозяйстве. Авторы этого письма говорят:

«Мы считаем, что в нашей промышленности есть еще много неиспользованных резервов, мобилизация которых будет способствовать новому росту экономической мощи страны и повышению благосостояния советских людей.

В докладе на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1948 года товарищ В. М. Молотов указал: «От правильной организации дела материального снабжения, создания нужных материальных резервов и экономного использования государственных ресурсов во многом зависят темпы подъема нашего хозяйства».

В свете этих задач огромное значение приобретает усердие оборачиваемости оборотных средств предприятий, ибо это позволит увеличить объем производства без дополнительных средств и будет способствовать дальнейшему укреплению советского рубля».

Письмо москвичей — не только декларация, не только призыв; в нем содержится совершенно конкретные обязательства коллективов фабрик и заводов столицы. Каждое из 103 предприятий указывает точную цифру в своем обязательстве.

«Подсчитав свои возможности, мы обязуемся так построить работу предприятий по использованию материальных ресурсов, чтобы на каждый рубль оборотных средств значительно увеличить выпуск продукции и ускорить оборачиваемость оборотных средств против фактической оборачиваемости в 1948 году и за счет этого высвободить в 1949 году из оборота для нужд нашего народного хозяйства 400 млн. рублей».

Итак, москвичами выдвинута новая и большая задача. Реальна ли она? Будет ли она успешно разрешена? Есть ли предпосылки для победного осуществления той цели, которая намечена столичней?

На эти вопросы жизнь дает ответы, и ответы положительные!

Уже есть первая примета того, что новое движение в промышленности даст за-

метательный эффект. В Московской области, на Глуховском хлопчатобумажном комбинате имени Ленина, люди практически приступили к делу. Комсомольцы послали контрольные бригады по отделам и цехам большого предприятия. Молодые рабочие хозяйским взглядом заметили залежи материалов, пологую находившиеся без движения. Так, на складе отела снабжения были обнаружены тысячи ременных шпиков стоимостью в тридцать пять тысяч рублей; более шести лет эти материалы находились в замороженном состоянии. В таком же состоянии были на другом складе тканые патроны стоимостью сто шестьдесят тысяч рублей. На комбинате также оказались большие залежи пражки. Если комбинат реализует те материалы, которые доселе не использовались, получится крупная денежная сумма — семьсот тысяч рублей.

Директор Люберецкого завода сельскохозяйственных машин тов. Крысин находит, что данное коллективом завода обязательство высвободить в 1949 году из оборота пять миллионов рублей — будет даже перевыполнено. В статье, опубликованной в «Правде», директор указывает реальные пути и средства успешного решения этой задачи.

На московском заводе имени Маленкова средства находились в обороте около двухсот пятидесяти дней. Заводской коллектив обязался сократить этот срок на пятьдесят дней.

На заводе электронасосов каждый рубль в течение года обернется четыре раза.

Да, новому движению в промышленности, конечно, будет сопутствовать успех!

И недаром почин Москвы уже находит широкий отклик в других городах. Ленинград, Свердловск, Горький, Куйбышев, Сталинград присоединят свои голоса к голосу столицы, в прессе публикуются обязательства передовых заводов периферии, включающихся в движение советских патриотов.

Уже рождаются в рабочем классе и новая энергия, и творческая мысль, и горячее стремление к дальнейшему совершенствованию труда, и с новой силой вспыхивает на заводах и фабриках социалистическое соревнование.

В новом движении мы видим могучую фигуру советского рабочего — фигуру хозяина труда своего и страны своей, фигуру человека культурного, мыслящего, творческого... В новом движении мы снова видим Москву, Москву ведущую, Москву знаменосца.

Акад. Н. БЕЛЕНЬКИЙ

За патриотическую честь советских ученых!

Фильм «Суд чести» захватывает и покоряет зрителя своей страстной партийностью, значительностью выразенных в нем идей, подлинным реализмом художественных средств, использованных для воплощения его большого и правдивого содержания.

Когда разбираешься в чувствах и впечатлениях, рожденных фильмом, прежде всего вспоминаешь два резко очерченных, противостоящих друг другу образа.

Один воплощает лучшие черты советских ученых, до конца сознательных, что служение науке есть служение интересам Родины, интересам народа. Это — академик Берейский.

Другой — человек, которому важна не наука, призванная служить народу, а свой личный успех. У него мелкие побуждения, расы собственной славы и личной гордости обманливо и хладнокровно предают интересы советской науки, а значит, и интересы Родины, интересы народа.

Это — профессор Лосев.

В академик Берейский мы видим человека со всей силой чувства, какую вызывает его решительная, открытая, не знающая колебаний и сомнений борьба за честь и достоинство советской науки, за идею чистоты советских ученых.

Профессора Лосева мы презираем и ненавидим со всей силой презрения и ненависти, какие вызывает в нас этот предатель, способный уступить американским фирмам, спекулирующим на медицинских препаратах, важное открытие советских ученых.

Сложнее наше отношение к Добротворскому. Это большой, по-настоящему талантливый ученый. Страна создала ему замечательные условия для научной работы. На народные средства, по бюджету, который обсуждал и принимал депутаты народа, выстроены лаборатории, созданы клиники, в которых Добротворский и его сотрудники вплотную подошли к замечательному научному открытию — препарату, снимающему боль. Но призраки прошлого еще сильны в сознании этого ученого. «Болюб, Андруша, один Америку открыл», — говорит он, когда, не желая делить свою славу, отказывается от дружеской помощи Берейского, отмахивается от предложения привлечь к своим опытам работников других советских институтов, ученых и врачей периферии.

Он не понимает того, что внедрение открытий является важнейшим этапом научного творчества. Ведь критерий истинности — всегда практика! Блестящий пример ученого, превращающего это положение марксистской философии в жизнь, являет собой академик Т. Д. Лысенко, все теоретические концепции которого проверяются решением важных народнохозяйственных задач.

Пренебрежение к практике — серьезный пережиток прошлого в сознании Добротворского, забывающего, что наука призвана служить народу.

Ему представляется, что ничего предоступительного нет в том, чтобы от открытия в Америке узнал раньше, чем у нас в стране. «Наука, как и мир, неделима», — говорит он. — Если сказано новое в науке, неважно, на каком языке сказано оно, — важно, что оно сказано... Ученые есть во всюду ученые... Государства имеют границы — наука их не имеет».

И Добротворский искренне верит в эти ложные идеи, верит потому, что он слепок в политике.

Мне пришлось слышать суждения, что Добротворский — честный, в сущности, преданный Родине человек, совершивший свой проступок лишь в силу мягкости характера и неспособности противостоять давлению Лосева. Это неверная точка зрения. Как бы ни был субъективно честен Добротворский, он на деле оказывается рядом с Лосевым. Почему это происходит? Потому что в его уме одержали верх еще существующие в сознании некоторой отсталой части нашей интеллигенции позорные пережитки византизма, перед которыми иностранщины. А безделье византизма, если не разоблачено, не вычтено, может привести к предательству, проступки станут преступлениями. Что такое в наши дни американская наука, которой Добротворский склонен протянуть руку ученого?

Если мы обратимся к наиболее близкой мне области, к науке биологической, то увидим, что в современной англо-американской биологии существуют две господствующие «идеи», которые смыкаются в самом главном.

Первая — это «учение» о неизбежном падении плодородия почвы. Вывод из этой «идеи» такой: сельское хозяйство не имеет перспектив в существующих границах, и, дескать, для того, чтобы прокормить население страны, нужно завоевывать новые территории.

Вторая идея — это «учение» кейнсианства (менделзизма-морганзизма). Оно утверждает, что в организме существует особые, называемые им наследственные единицы — так называемые гены. Эти гены якобы неизменны, и пути их наследования. Они не зависят от изменений окружающей среды, и пути их наследования и предопределяют его будущее. «Внешние условия — ничто, порождение — говорят кейнсианцы и переносят эту реакционную идею на человеческое общество, делают вывод: бессмысленно стремиться к изменению социальных условий существования человека, жизнь его предопределена наследственными задатками. Это не что иное, как расистский, фашистский бред: лишь носители определенных наследственных генов, лишь представители определенной «человеческой породы» имеют право на существование и развитие. Теория реакционных американских ученых сливается с фашизмом. Так, например, американский университетский профессор Фелайлд недавно заявил, что расовое превосходство англо-саксов заключается в том, что они являются типами,

несущими особые, специальные гены, или определяющие, а всякое смешение нагосков с другими народами неизбежно даст ублюдков. Обе эти «идеи» мракобесов — о неминуемом падении плодородия почвы и о неизменном наследственном предопределении — являются прямым способом идеологического обоснования волюнтаризма империализма. Здесь американские биологи прямо смыкаются с американскими социологами, возрождающими на потребу империализма расистские бредни немецких фашистских геополитиков. Такова их наука!

Ничего общего с этими лжеучениями не имеет и не может иметь советская биология. Как учил великий Мичурин, что человек активно воздействует на природу, что наследственность изменяется под влиянием измененных внешних условий, а свойства, приобретенные организмом под влиянием измененных внешних условий, наследуются. Это значит, что можно управлять развитием живых организмов в интересах человека и человечества. Вторым ведущим принципом нашей биологической науки является учение о том, что пределы плодородия почвы не существуют, что почва, к которой применен комплекс правильной обработки земли и лесозащиты Вильямса и Докучаева, обеспечит беспредельное увеличение урожая.

Но почему же профессор Добротворский не поверит дедовским утверждениям буржуазных ученых о том, что наука не имеет географических границ, утверждениям, призванным замаскировать их покорную службу интересам империализма? Потому что Добротворский не понял самого главного, того, что наука всегда партийна. Наука всегда партийна, в этом ее сила. Она под руководством партии, выражающей лучшие чаяния советского народа и всего трудящегося человечества, служит народу. Буржуазная же наука служит небольшой кучке эксплуататоров, врагов народа, врагов мира и демократии. Их наука служит реакции, той реакции, что судит сейчас в Америке идею мира и демократии, судит свой собственный народ в лице его лучших представителей — коммунистов.

И, зная все это, мы с волнением слушаем исполнение справедливого, святого негодования слова общественного обвинителя академика Берейского. Они выражают чувства всего советского народа и всех настоящих советских ученых, которые неотделимы от народа. «Кому хотели вы отдать сокровища науки нашей? Ее благородные открытия, ее прекрасные дерзания! Тому, кто стремится вернуть человечество в адское некло новой войны. Тому, кто размахивает над земным шаром атомной бомбой. Не позволим! Во имя счастья человечества не позволим. У кого искался человек, который вымалывал на коленах мировую славу? У завоевателей торжестве смерти, у лавочников, у наемных убийц! Жалкая, копейная ваша слава. Все человечество взрывает на нас, мы его возненавидели, мы его возненавидели, мы его возненавидели. Вы это знаете, тот, кто завоевал славу здесь, в Советском Союзе, тот завоевал ее и во всем мире. Как же вы могли, как вы поселились поступиться славой нашей Родины? Нам ли, советским ученым, быть беспартийными бригадами в космополитизме? Нам ли быть безродными космополитами? Нам ли быть Иванами, не помнящими родства... К нам, советским людям науки, обращено слово вождя народов. Мы должны думать и в ближайшее время превзойти достижения науки за пределами нашей Родины... Как же решать эту большую, ответственную задачу, не стравив с колен своих петь старого мира...»

Когда я смотрел фильм «Суд чести», то гневные реплики академика Писаревского, напомнившего о том, как индустриальные ученые присваивали себе прирост русской науки, обрадовали нашу науку, заставили меня вспомнить несколько позорнейших случаев. Вот один из них: американский ученый Харланд в течение 30 лет работал над улучшением хлопка с позиций менделзизма-морганзизма. Но каковы позиции, таких и результаты. Ему не удалось дать ничего практического, пока он не применил методики академика Лысенко, предумышленно утаивая об истинные «методы», а английские ученые Льюис и Уильямс начали удачно прославлять плагиатора Харланда.

ЛЕКЦИЯ ШТУКАТУРА ФЕДОРА БЕСЧАСТНОГО

СТАЛИНО (Наш корр.). В Сталинском строительном техникуме состоялся ряд лекций необычайно лекции. На трибуну вышел лектор в синей рабочей спецовке. Вследом с трибуны была возведена стена в потолок, подготовленная для штукатурки; здесь же были разложены инструменты и ящик для раствора.

Лектор — знающий штукатур Федор Бесчастный, выполняющий смелое задание в среднем на 800—1000 процентов. Он подробно рассказал аудитории, состоящей из студентов инженеров, студентов в рабочих-строителей, о методах своей работы. Затем тов. Бесчастный предложил проиллюстрировать свою лекцию, Ассистент лектора

О фильме «Суд чести»

Много других мыслей вызывает этот фильм. Почему проступок Добротворского был скрыт членами окружавшего его коллектива лишь тогда, когда талантливый ученый фактически совершил преступление? Почему ранее не замечены были его самоуспокоенность, стремление отгородиться от коллектива, его аполитичность? Это возможно лишь там, где критика и самокритика, где настоящее партийное вмешательство не сопутствует научной работе. «Партийный комитет должен как будто бы мне помогать, а не мешать...» — надменно говорит Добротворский, и за этим «могачеством» звучит: «не критиковать, не вмешиваться, безоговорочно одобрять и поддерживать...» Но разве такой должна быть в действительности связь ученого с партийной организацией, разве такие отношения существуют между действительно большими советскими учеными и партийной организацией? Коммунисты Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина в течение многих лет работают вместе с крупнейшим биологом современности — академиком Трофимом Деносовичем Лысенко. Это человек крайне требовательный, строгий к окружающим, беспощадно строгий к себе. Ему присущи качества подлинно большого ученого: страстность в исследованиях, способность в выводах. Во всей своей деятельности он — беспартийный большевик — всегда опирался на помощь партийной организации, принимая творческую критику и самокритику, постоянно подчеркивая, что силы в борьбе с чуждой нам идеологией и разрешении самых сложных вопросов науки надо черпать в гениальных трудах Ленина и Сталина.

Постоянное кипение, страстная критика и самокритика, неразрывная идейная связь — вот как можно охарактеризовать отношения между ученым и партийной организацией.

Коммунисты, работавшие с Добротворским, поняли: помочь ему — значит прежде всего подвергнуть непримиримой критике его ошибки и проступки. Именно потому Добротворский был спасен для науки, получила возможность испустить свою вину.

Велика заслуга спонсора А. Штейна, обратившего к острой и важной проблеме современности, режиссера А. Рома, поставившего правдивый, напряженный, развивающийся фильм. Отлично играет весь коллектив актеров. В первую очередь хочется отметить В. Чиркова, нарисовавшего образ пламенного патриота-ученого. Актер Н. Анненков показывает силу предосторожностей и заблуждений, владеющих Добротворским, то, как под воздействием коллектива ученых, после мучительной внутренней борьбы, он до конца осознает свою вину. Обязательна О. Жданова в роли жены Добротворского... Все же поступки показывают: любя мужа, она будет до конца бороться с его идейными ошибками, чтобы помочь ему выйти на правильный путь. Актер Н. Свободин своей глубоко продуманной игрой срывает маску ученого с предателя Лосева. В. Валдиславский, Е. Самойлов, А. Максимова, В. Макаров, П. Перевалов создали запоминающиеся образы старых и молодых советских ученых, которых объединяет огромная любовь к советской науке, гордость за ее достижения.

«Суд чести» по праву займет место в ряду произведений советского киноискусства, заслуживших признание народа.

Непримиримая борьба советских ученых с пережитками прошлого в сознании некоторой части людей, принадлежащих к их среде, непримиримая борьба за идейную чистоту советской науки, за ее партийность, за ее патриотизм, вызывает злостный вой наших врагов. Это вражеское злобствование заставляет меня вспомнить притчу, рассказанную много лет назад академиком Иваном Петровичем Павловым в ответ на нападки, которыми было встречено одно научное высказывание: «Когда Пифагор сформулировал свою известную теорему, он принес в жертву богам его быков. Ожидал, пока разгорится жертвенный костер, быки мычали, предчувствуя свой конец. С тех пор повелось так: когда открывается истина, скоты мычат. Они предчувствуют свою гибель».

Площадь стены и потолка, возведенных на сцене, была равна 10,4 квадратного метра. По нормам такую площадь полагают штукатурить 8 часов — полную смену. Но уже через 63 минуты тов. Бесчастный отложил свой инструмент и вытер руки. Раздался аплодисменты. Перед слушателями возвышались гладкие, превосходно оштукатуренные стена и потолок.

Тов. Бесчастный достиг успеха, в первую очередь благодаря смелому применению нового инструмента.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НЕВЫПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

В «Литературной газете» № 38 от 12 мая 1948 г. была опубликована статья под заголовком «Это принадлежит детям». В ней указывалось, в частности, что поименованные детские асфальты №№ 7 и 8 на Горьковском автозаводе имени Молотова заняты заводскими организациями.

В № 46 от 9 июня министр автомобильной и тракторной промышленности тов. Акилов сообщил, что министерством издан приказ об освобождении заводом помещений асфальта и возвращении их по

принадлежности органам здравоохранения и народного образования.

Со дня опубликования этого ответа прошло более полугодия. За это время успел сменить директор автозавода, но асфальтные помещения попрежнему заняты заводом, и никто не собирается их освободить.

П. МИШУРИНА, депутат Горьковского городского Совета депутатов трудящихся
В. ФИМОВА, депутат районного Автозаводского Совета депутатов трудящихся

Леонид ЛЕОНОВ

Слово к бумажникам

От имени и по поручению Союза советских писателей и редакционной коллегии «Литературной газеты» я удостоен чести передать делегатам XV Всесоюзного съезда профессионального союза рабочих бумажной промышленности и в их лице всей многотысячной армии рабочих, инженеров, техников и служащих, объединенных в этом профсоюзе, самый братский, дружественный привет.

Мы, делегация советских писателей, пришли к вам на съезд для того, чтобы вместе поработать над решением больших проблем, которые заключены в громадном слове — бумага. Наша установившаяся дружба не есть обычное приятельство двух известных соседей — бумажников и писателей, из которых один гонит свое бесконечную ленту, а другой пописывает на ней. В ленинско-сталинскую эпоху мы с вами стали смежниками в великом и бесконечном ответственном деле, которое называется социалистической культурой.

Наша дружба зародилась давно, в пору первых пятилеток. Она началась на I Всесоюзном съезде советских писателей, вдохновлявшем Алексеем Максимовичем Горьким. Судя по гигантским результатам наших общесоюзных усилий, целое столетие прошло за эти пятнадцать лет; значит, дружба наша имеет почтенный стаж; значит, сегодня мы не только друзья или товарищи, но и прямая родня... Если, конечно, вы не против такой пышной и навязчивой родни!

В годы послевоенной сталинской пятилетки пятнадцать писательских бригад были отравлены на крупнейшие бумажные фабрики и комбинаты, чтобы помочь нам выполнить пятилетку в четыре года и дать стране возможно больше бумаги для книг, учебников, плакатов и газет. Многие из нас в качестве представителей Союза советских писателей и «Литературной газеты» мы встречали в цехах Ленинграда, Балахны, «Сокола», Солыкамса, Вшеры и других бумажных предприятий. Следствием этих поездок являлся в нашей «Литературной газете» сорок статей, очерков и пока еще лишь

выступление на XV Всесоюзном съезде профессионального союза рабочих бумажной промышленности

белых набросков о передовых людях и работах, которые благородной целью жизни поставили дальнейшее умножение количества бумаги как материальной базы для роста культуры в нашей стране. Нами, писателями, был предъявлен в нашей газете и ряд требований к перальшим смежникам нашей отрасли промышленности, и мы будем поистине горды, если вы признаете, что в двадцатипятилетнем прошлом росте бумажной продукции, по сравнению с годом 1947-м, сказались, хоть самая маленькая, а наша доля.

Этот удачный почин накладывает на нас особые задачи в текущем году. Рост советской культуры будет в дальнейшем невозможен без внедрения передовой науки в нашу производственную практику, без повышения качества бумаги, без использования внутренних резервов, без снижения себестоимости, без увеличения количества слова, но мы знаем, какие прекрасные сокровища заключены в них, когда они волею советского народа приобретают свое вещественное оформление.

Советские писатели слова встречаются с вами и в текущем году, как верные соратники в совместной борьбе за изобилие и высокую идейную калорийность нашей духовной пищи. И давайте пригласим в нашу могучую дружбу третьего товарища — советскую полиграфию, от которой также в большой степени зависит облик советской книги.

Дорогие друзья! В отличие от капиталистических стран, в нашем отечестве нет так называемых второстепенных профессий. Любая работа становится у нас подлинным творчеством, если в основу ее положена умная социалистическая сознательность. Мы живем в особую эпоху, когда нет мелочей. И я сказал бы даже, что

достойной звучной песни не только социалистический Днепр, но и прекрасная советская яблоня, но в каждый рулон газетной бумаги, который рассказывает об истории, как протяжения одного дня, движением вперед нашей эпохи.

Бывают периоды в истории, когда потребности страны выглядят то или иное производством на передовую линию государственной деятельности. Несмотря на наше время на одном из первых мест в статистических отчетах ставится достижение металлургии и ее общественных товарищей.

Я беру на себя смелость приравнять нынешний труд бумажника к труду металлурга, потому что бумага сегодня — это та же сталь, сталь советской промышленности. Каждый рубль, когда мы приходим обходить стомерную бумажную машину Балахны, она оставалась в моей памяти, как удивительный блонин культуры.

Человек привык к обычным представлениям о кажущейся тяжести бумаги, но случается и так, что бумага оказывается прочнее металла. Оказалось, например, что можно разрубить книгу железом, но не сталью, а сталью железом, а вечно живет на нашей бумаге каждый типографский отпечаток ленинско-сталинского слова! Бумага — это неразвешиваемый металл, на котором живут великие книги, из бумаги создается тончайший инструментальный механизм на человеческую руку. Из бумаги советские люди изготавливают мирные сварки, которыми пробиваются брешь во вражеских крепостях и переплываются земная целина под добрыми вехами коммунизма.

Советские писатели обещают вам честно и точно работать инструментом, изготовленным из вашего благородного металла. Они обещают дать добротную картину боеприпасов советской культуры, увеличенными которых во все возрастающей прогрессии требуют от нас советские правительств и великий Сталин.

Слава вам, слава советской бумаге!

Летопись автозавода

НОВЫЕ ТРУДЫ УЧЕНЫХ-СЛАВЯНОВЕДОВ

В печать сланы первые два тома «Ученых записок» Института славяноведения Академии наук СССР. «Ученые записки» содержат статьи, посвященные национально-освободительному движению славянских народов, истории их языка и литературы, междисциплинарным политическим, общественным и культурным отношениям. В частности, большое место занимает исследование о революционном движении 1848 года в Чехии, Польше, Закарпатской Украине и других славянских странах.

Независимо коллектив Института славяноведения приступил к составлению фундаментальных очерков по истории Польши, Болгарии и Чехословакии с древнейших времен до наших дней. В этих трудах главное внимание будет уделено новейшей истории. Научные сотрудники института начали и работу капитальную работу — составление диалектологического атласа болгарских говоров на территории Советского Союза. В минувшем году три экспедиции института собрали материалы в Молдавской ССР и в Крымской области Украины. Научные сотрудники направлялись также в Кировоградскую и Запорожскую области.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Космополиты из журнала «Театр»

Вероника МОТЫЛЕВСКАЯ

В одиннадцатом номере журнала «Театр» напечатана статья В. Всеволодского-Гернгросса «Некоторые вопросы становления русского театра». Редакция журнала «Театр» рекомендует ее читателю как статью, которая является одной из первых попыток рассмотреть вопросы развития русского театра в свете самостоятельных народных традиций русской театральной культуры и дает материалы для пересмотра чуждых нам буржуазных теорий происхождения и становления русского театра».

Что же выдает редакция журнала «Театр» за попытку рассмотрения вопросов развития русского театра в свете самостоятельных традиций русской театральной культуры? Рекомендованная ею статья Всеволодского-Гернгросса не только не является такой попыткой, но снова упорно и настойчиво повторяет его клеветнические утверждения о якобы, нерусском происхождении русского театра, о бесконечных влияниях на русский театр, правда, на этот раз в несколько завуалированном виде.

В 1912 г. В. Всеволодский-Гернгросс писал, что «... в течение десяти веков жизни мы питались чужой культурой, чужим умом, ждали чужой головы и чужим сердцем»...¹ И далее: «Полвека должно было пройти затем, чтобы искусственно привитая русской жизни иноземная культура дала, так сказать, помесь от русской матери и европейского отца; помесь должна была пройти, чтобы брошенное семя дало плоды. Но не было сил у Петра впасть в землю глубоко, оплодотвориться только верхний слой, и русский дикарь стоял рядом с придворным интеллигентом... По душевному мир русского интеллигента был свободомыслием, мир интеллигента европейского. Культурное общество того времени не было русским по духу, вот почему не замедлила появиться и подражательная поэзия, подражательная драматургия, подражательный театр».²

Только злобствующий ненавистник, чуждый всему русскому, чуждый народу и его идеалам, мог породить такие клеветнические измышления.

В. Всеволодский-Гернгросс не изменил своей позиции и спустя семнадцать лет, в советское время. В 1929 г. в своей псевдонаучной «Истории русского театра» он утверждает, что «в русском театре мы имеем дело с систематическим рядом иноземных влияний, отлагавшихся подобно тому, как отлагается ил на дно водного бассейна; эти отложения проливались собою элементами нашего самотяжного театра, дав в итоге химически и механически сложное тело»³, и даже в «основном» массиве Всеволодский-Гернгросс тоже ничего самотяжного не находил. — «Наши «основные» национальные массивы, — писал он, — является наша языковая культура; собственно, и этот массив состоит из целого ряда наслоений восточных, южных и западных; только отдаленность эпохи и отсутствие достаточного количества документальных данных не позволяют нам с точностью в них разобраться».⁴

Этот двухтомный «труд», полный грубейших ошибок и злобных выпадов против русского театра и русской культуры, был в свое время подвергнут резкой критике, но его антипатриотическая сущность не была разоблачена до конца.

Какие же изменения произошли в «научных» взглядах его автора в 1948 г.?

В указанной выше статье «Некоторые вопросы становления русского театра» он демократически заявляет: «Немецкой концепции мы противопоставляем излагаемую ниже концепцию становления русского театра, которая является результатом нашей длительной работы в области старинного русского театра, в частности,

1 В. Всеволодский-Гернгросс. «Против Волкова, как основателя русского театра». Ежегодник императорских театров. Выпуск 1. 1912 г., стр. 18.
2 Там же, стр. 18.
3 В. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра. Том 1, 1929 г., стр. 79.
4 Там же, стр. 80.

ского театра исследователи считали 1672 год, а в том, что этот первый театр они называли театром Грегори и писали, что он возник под влиянием немецкого.

В. Всеволодский-Гернгросс далеко прешагнул всех своих учителей, назвав этот театр уже безоговорочно «немецким театром Грегори».

Открытие первого русского театра было подготовлено мучным подвигами национального самоощущения.

Театр, открытый в 1672 г. по инициативе одного из передовых людей тогдашней России, боярина Артамона Матвеева, не смотря на свой закрытый придворный характер, сыграл очень большую роль в становлении и развитии русского театра. Выбор пьес принадлежал Артамону Матвееву, пьесы игрались на русском языке. Сомнения у исследователей вызывал только первый спектакль — о нем высказывалось мнение, что он шел на немецком языке, так как парю был преподнесен экземпляр «Действа об Эсфире» (название первого спектакля) на русском языке, якобы для уразумения действия, шедшего на непонятном парю немецком языке. Два из этого довода можно считать убедительными.

Но даже при этом условии театр этот не может быть назван немецким. Подлинным организатором и вдохновителем театра был Артамон Матвеев, а не привезенный из Немецкой Свободы под страхом парского гнева Грегори, которого вскоре сменил Гивнер, а затем Чижковский. Играли в нем русские люди, репертуар подбирали Матвеевым не случайно, а с учетом того, что в данный момент волновало русское общество. Наиболее интересное явление в этом театре представляет «Темп-Аксакое действо», пьеса, поставленная накануне войны России с Турцией, безусловно отражающая тогдашние настроения русских людей.

Политическая направленность театра, его связь с злободневными вопросами, волновавшими именно русское общество, несомненны.

Последовательный иракбес в области истории русского театра, В. Всеволодский-Гернгросс не постеснялся в своей статье обогатить даже величайшего русского драматурга А. Н. Островского, написавшего к 200-летию юбилею русского театра комедию «Комик XVII столетия». Общезвестна глубокая полемика, с которой А. Н. Островский относился к историческому материалу, огромная исследовательская работа, которую он продолжал до написания своих исторических произведений. Всеволодский-Гернгросс ставит эту патристическую пьесу в один ряд с клеветническими брошюрами, утверждавшими немецкое влияние на русский старинный театр. По смыслу его статьи получается, что патристическую пьесу А. Н. Островского отлучает от антипатристических утверждений безродного космополита Алексея Всеволодского только то, что Всеволодский дал «наиболее яркую, развернутую концепцию немецкого влияния на русскую литературу и русский старинный театр». (Подчеркнуто мною.)

Только ненавистью к русскому народу, только полным отсутствием национальной гордости можно объяснить упорство, с которым В. Всеволодский-Гернгросс проводит свои космополитические «теории» начального периода истории русского театра в своих печатных трудах.

На первый взгляд может показаться, что вопросы театра столь отдаленного времени, как конец XVII в., не имеют для нас актуального значения. Однако это не так. Псевдоисторические концепции Всеволодского-Гернгросса тем и опасны, что они извращают в угоду махровым космополитам, историю русского театра с самой его колыбели и тем самым льют воду на мельницу антипатристической группы критиков и историков театра, рабоблещущих перед всем иностранцам.

Неудивительно, что эта статья увидела свет на страницах журнала «Театр», являющегося прибежищем для антипатристической группы театральных критиков.

семья. Приехал директор дороги Кодратев. От матери Сибирякова мы узнаем о прошлом ее сына. Совсем недавно лобастым мальчишкой бежал он в ремесленное, а теперь махнител, да еще новатор, да еще студент-заочник!

По тому, как академик, член коллегии министерства Рубцов угадывает главное в человеке, как он выискивает, добирается-телепел к людям, как умеет направить их мысли и поступки, ясно его незаурядный ум, большое сердце. Разговор с молодыми рабочими, интерес в их труду по-казывают кровную связь ученого с народом.

Кабинетный ученый Дроздов проглядывал, как наука, пронизывая все поры жизни, стала у нас достоянием народа. Не изживший качества, «косторезный специалист», он испускает, когда, по его выражению, в исцеленный храм науки стали массами врываться «упрошенцы», «невяды», «вульгаризаторы», какими он по-старинке считает рабочих.

Тут же мы узнаем и невесту Сибирякова Лелю, дочь генерала-директора Кодратева, и самого генерала-директора, и его скучающую жену Софию, и инженера Крутиняна, внешне благоговисного, но эгоистичного, беспринципного человека, лжеученого, носителя предельческих настроений, низкоквалифицированного перед Западом.

Мы видим и замечательную молодежь, рабочих станций, мечтающих о коммунизме, о технической революции на транспорте. Наконец, мы узнаем секретаря парторганизации Кривенца, волевого, немого-слепого большевика.

Так артист встречается со своими современниками. Особенно дорог им Сибиряков, весь устремленный в завтрашний день. В нем рельефно проступают черты нового, странного грани между физическим и умственным трудом, сила новатора-большевика, ясность цели, преданность народу. Внутренняя гармония, душевная красота, прямота пленяют в Сибирякове.

Сам Сибиряков так оценивает смысл своей борьбы:

— Все дороги ведут к коммунизму. Да не все дороги прямые... Дороги в обход, конечно, сложней, только не по

нашему характеру. Время уступать никому нельзя. Вам, может быть, Андрей Ефремович, туда не в спеху, а у меня свой график есть. Я вот, махнител Сибиряков, хочу прибыть к коммунизму собственной персоной, да еще пожить в нем собираюсь. Нашему маршруту зеленую улицу никому закрыть не позволим!

Овапными встречают в зале этот молодой, потому что этим благородным стремлениям живет весь советский народ.

Рабочий коллектив, парторг, академик Рубцов встали на защиту позиций Сибирякова, объявив борьбу с репрессиями предельческих настроений на транспорте, которые вносят в работу Крутиняна, подчиняющий своему влиянию и начальника дороги.

Когда-то боевой, инициативный человек, генерал-директор Кодратев потерял творческое бесприличие, перестал заглядывать в завтрашний день, утратил перспективу, умственно ослепаясь. Перевернувшись локвом Крутиняну, по виду делового человека, начальник дороги вел себя за правило чаще говорить «нет», чем «да». Так надежды, спокойнее.

Поставленные в пьесе смело, партийными проблемами выходят далеко за пределы транспорта, касаясь любой отрасли труда, науки, техники. Автор поднимает тему нравственного бесприличия людей чистой партийной совести, неприкрытых в проявлении косности, рутинерства, эгоизма.

Поступок Сибирякова заставил многих задуматься над своим поведением. София, жена Кодратева, по-новому осмыслила свое место в жизни, остро затосковала по труду. Более зрелой, крепкой становится Леля, понимая, что в принципиальной борьбе нельзя делать скидок даже родному отцу. Искренне раскаялся Кодратев в бытовых слабостях, в которую скатился. Ощутил молодую реальную силу, входящую в науку, Дроздов. Тщепно бился он многие годы над разрешением проблемы создания экономичного паровоза и даже разуберялся в своих силах, пока опыт Сибирякова не подсказал ему верного пути. Жизнь убедила его в творческой силе

Алексей ЗАРИЦКИЙ

Корабли

Мы сданы постройку, И гром прогремел, И туча струится янтарными волнами, И дождь предпрассветный изветкует и мел. Сдается слякост тополиных подоконкам, Над площадью высится новый наш дом. Он номер имеет И двери парадные. Внизу — Разместился большой «Гастроном», Вверху — Поселились жильцы аккуратные. Сегодня им всем новоселье справлять. В квартирах звучат голоса их счастливые. Им здесь И любить, И детей слышать, И утро под душем холодным встречать, Лишь подставляя под струи бурливые. Их окна выходят на Свислочь.

Влали Фабричные трубы дымят на окраине, Как будто пары развели корабли И в море выходят В далеком плавании. А следом за ними дома-корабли Плынут по просторы весенней земли. И окна открыты, И крыши дождями обмыты. И солнце горит, разгорается, И даль перед ними светло расстается.

Перевед с белорусского Андреем КЛЕНОВ

Декада белорусской литературы в Москве

С большим успехом проходит в столице декада белорусской литературы.

Интересная встреча со слушателями и профессорами состоялась в Военно-политической академии имени Ленина. Открыл вечер заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. Симонов. О развитии белорусской советской литературы рассказал собравшимся П. Ковалева. П. Бровка, М. Танк, В. Витка, Э. Онеиц, П. Пестрак, И. Шамякин и другие прочитали свои произведения на белорусском языке. С переводом стихов белорусских поэтов выступили К. Симонов, А. Прокофьев, В. Звягинцев, В. Рощинский и другие. Вечер закончился большим концертом. Выступили народная артистка СССР Л. Александровская, народные артисты БССР И. Болотин, М. Денисов, Р. Молод, А. Обухович, В. Малькова, заслуженные артисты БССР Н. Ворухов, С. Толкачев, Государственный ансамбль белорусской народной песни и танца.

На следующий день участники декады выступили с творческим отчетом перед железнодорожниками Московского узла. Вечер в Центральном доме культуры железнодорожников открыл В. Кожевников.

Группа участников декады посетила издательство «Советский писатель» и приняла участие в обсуждении плана выпуска книг белорусских писателей.

В связи с декадой в зале Московского товарищества художников открылась большая выставка произведений белорусских художников. На выставке собрано 125 работ: живопись, скульптура, графика, плакат. Многочисленные экспонаты выставки посвящены героической борьбе белорусского народа с врагом в годы Отечественной войны и героике социалистического труда в послевоенные годы. На открытии выставки выступили секретарь ЦК КП(б) Белоруссии М. Ювачук, зам. председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР Ф. Калюшин, народный художник СССР А. Герасимов.

Вчера участники декады встретились с читателями и сотрудниками Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. И. Гуроров рассказал о творческой деятельности писателей БССР. П. Бровка, А. Кулешов, А. Велогин, П. Панченко, П. Пестрак, К. Крайня, И. Мележ прочли свои произведения. На вечере состоялся обсуждение пьесы К. Крайня «Снаролом».

Вчера же во Дворце культуры имени Горьбунова белорусские писатели встретились с рабочими, инженерами и техниками московского ордена Ленина машиностроительного завода.

А. СУРКОВ

Уральский волшебник

Многолетние скитания литератора-газетчика сводили меня на дорогах жизни со многими замечательными людьми нашего времени. Но и в этой веренище знакомств выделяются немногие, особенные, навсегда запавшие в память.

Такой была моя первая встреча с чудесным уральским писателем Павлом Петровичем Бажовым.

Шел военный 1944 год. Впервые за дни войны маршрут моей командировки лежал не к фронту, а в глубокий тыл. Редакция поручила мне обехать крупные заводы Свердловской области и рассказать со страниц нашей газеты фронтникам о героическом труде уральцев.

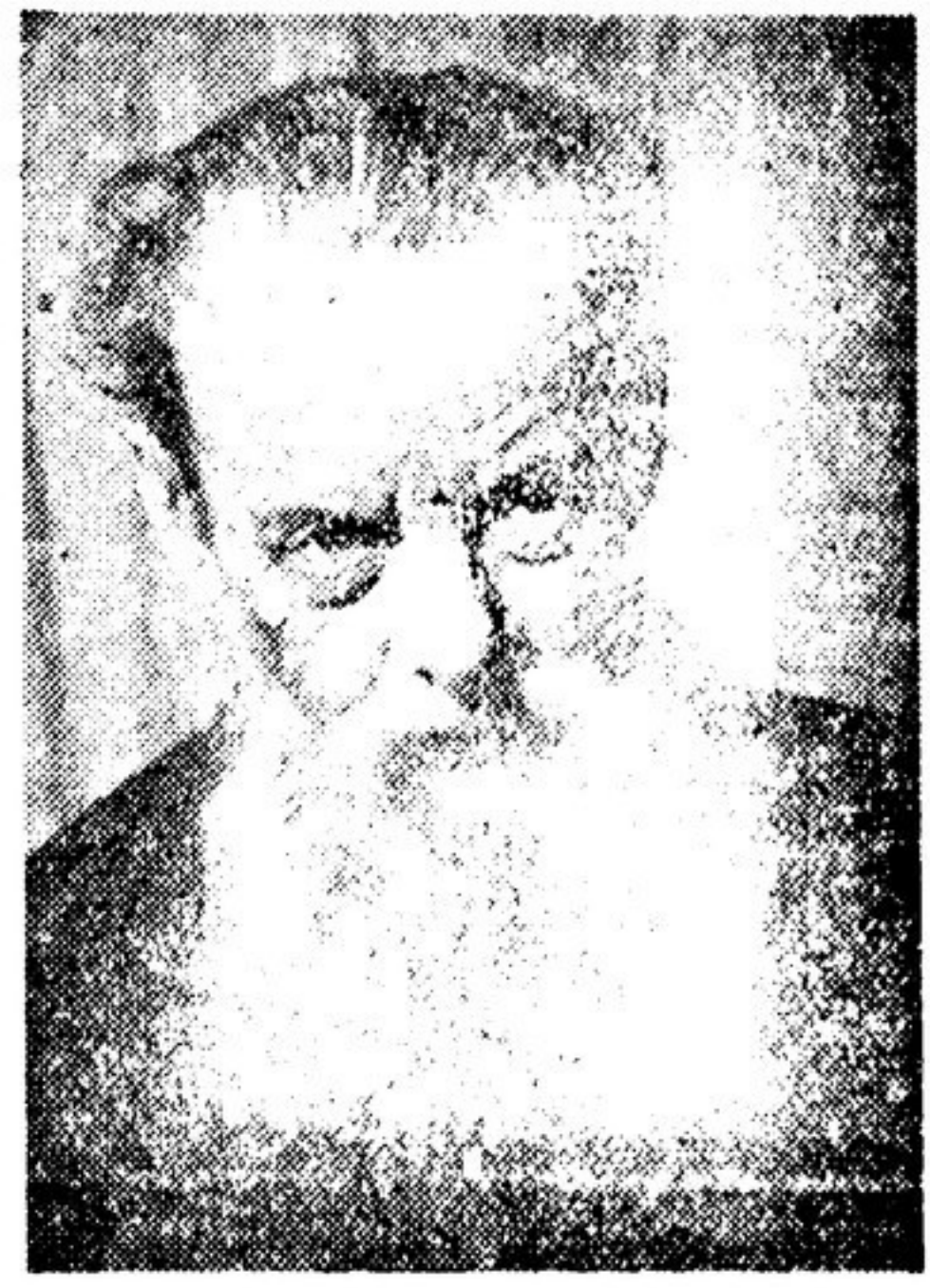
Я помню, как еще до войны радостным удивлением поразила меня «Малахитовая шкатулка» П. Бажова. И, естественно, что, погнав на родину автора этой чудесной книги, я стремился познакомиться с ним.

Уже первое наше свидание дало мне возможность почувствовать своеобразную и яркую личность этого замечательного писателя.

Самая внешность Павла Петровича, его пристальные, умные, чуть уставшие глаза,

роным юмором делали фигуру тех, о ком рассказывал П. Бажов, почти физически осязаемыми для собеседника. И чем больше событие или личность волновала рассказчика, тем ярче, образнее, делалась его речь, а каждый эпизод превращался в незабываемую чудесную новеллу, бешущую многоцветными переливами неповторимосвоеобразной уральской речи.

С особым интересом вспоминаю мое, точнее сказать, с глубоким поэтическим вдохновением гоголем Павла Петровича о «каменных дел мастерах», гранильщиках и камнерезах. Он брал со стола и в покое подбирал вычурные малахитовые куски, а затем, артистически вычурные каменные поделки и вводил меня в мир самых сокровенных тайнства каменного мастерства, непередаваемого словами умелых уральцев, в котором умелась жить за гоубо внешней необработанного камня скрытую в нем красоту узора и расцветки. И чем дольше дилася беседа, тем глубже раскрывалась передо мной мир поэтических образов «Малахитовой шкатулки» — этого восторженного гоголем вечно ищущему, неуспокоенному мастерству

Сказки Бажова, в какие бы волшебные одежды ни были облачены их герои и в какой бы старине ни было отнесено их существование, вызваны к жизни прущими их автору глубоко современными, острым и молодым оптимизмом нашей жизни. Не случайно ведь «Малахитовая шкатулка», расцветавшая бесконечную пышность рабочего человека, несет каямую жажду мастера к совершенствованию мастерства, чудесную поэзию труда русского рабочего человека появилась тогда, когда в нашей действительности строящиеся социализма труд превратился, по выражению товарища Сталина, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма. В годы Великой Отечественной войны та же сказовая форма и исторический материал не помешали Бажову создать целый ряд остро-сатирических сказок, во всей реальной неприглядности рисующих врага-немеца.

Павлу Петровичу Бажову исполнилось семидесят лет. Павел Петрович живет молодой кипучей жизнью активного государственного и общественного деятеля, чуткого и трудолюбивого воспитателя талантливой отряда уральских писателей. И когда (а это случается два-три раза в год) из Свердловска приходит пакет с новым бажовским сказком, невольно испытываешь чувство гордости и за писателя и за чудесную нашу действительность, которая дает людям неиссякаемую молодость. В день семидесятилетия нашего уральского волшебника мне, вместе со всеми читателями его сказок, хочется пожелать Павлу Петровичу долгих лет жизни в добром здравии и бодрости и большой творческой работы во славу нашей литературы, во славу нашей чудесной Родины.

А. БЕГИЧЕВА

Встреча с героем коммунистического завтра

«Зеленая улица» А. Сурова на сцене МХАТ

Теме творческого труда, непримиримой борьбы нового со старым, со всем, что тормозит переход к коммунизму, посвящены пьесы Анатолия Сурова «Далеко от Сталинграда», «Большая судьба» и «Зеленая улица», поставленная ныне Московским Художественным театром. Улавливая главные в людях сегодневного дня, А. Суоров подчеркивает прежде всего те их черты, которые, уже являясь реальностью, принадлежат коммунистическому завтра.

Суоров не придумывает, не вымышляет спешивших ситуаций. Он показывает нашу живую жизнь, из нее он приводит на сцену своих героев.

В пьесе «Зеленая улица» Суоров берет одно только событие — срыв колесных маршрутов, разработанных новатором, паровозным машинистом Сибиряковым. Установленным массового рекорда интуитивно-рационализаторы, друзья Сибирякова, мечтали повысить нормы на транспорте. Дирекция свела всю новаторскую идею новых маршрутов — общественного дела большой государственной важности — к личному рекорду машиниста Сибирякова. У машиниста возникает конфликт с дирекцией дороги. Сибиряков возражает пилотеру дороги Крутиняну волевыми часами, подарок дирекции, демонстративно покидает организованную ему торжественную встречу.

Сначала многие не поняли его поступка и осудили да дерзость. Даже мать обвинила сына в эгоизме: «И кто ты из себя, Алексей, фантазируешь? — говорит она ему. — За что людей обидел? Все потерял разом». — «Нет, не все. Совесть не потерял», — отвечает Алексей. «Сломают они тебя, увидишь», — беспокоится старуха. А Сибиряков: «Были бы один-два лома, на нас таких много».

Зал горячо реагирует на эти слова, потому что много, очень много в нашей стране Сибиряковых.

В образе Сибирякова драматург ввел на сцену героя-стахановца нового типа, стахановца послевоенной сталинской пятилетки. Такие люди ведут за собой массы, стремясь, чтобы их передовые методы стали достоянием бригады, цеха, завода, всей промышленности. Это новый тип рабочего-интеллигента, мыслящего широко, по-государственному. Страна хорошо знает имена таких рабочих, понимающих производительность труда на новую, высшую ступень, — Н. Российского, В. Матросова, Г. Вортневича и многих других.

Автор zaczyna пьесу прямо с кульминации, с момента высшего напряжения конфликта — ухода Сибирякова с торжественной встречи. Дальнейшие события, происходящие в течение примерно суток, посвящены выяснению причин этого конфликта. В процессе столкновения различных точек зрения разгораются горячие споры, в которых обнаруживаются нравственные и моральные качества героев, раскрываются их характеры.

Автор не фотографирует обычной кажущейся жизни героев, он берет необычный по напряжению их внутреннего состояния день и в этот короткий срок раскрывает наиболее типичные для них черты.

В кортветной экспозиции первого акта даны завязки главной и побочных линий действия.

В ожидании прибытия паровоза Сибирякова с первого нового маршрутного станция сабирской дороги, в чудесную звездную ночь, собрался железнодорожный трудовая

«Наука» истребления людей

Английский суд не так давно оправдал фашистского врача, хирурга гитлеровских концентрационных лагерей Деринга. Отвечая на запрос в парламенте, министр внутренних дел Великобритании Чатер не осмелился охарактеризовать это вопиющее нарушение британскими судьями самых элементарных основ справедливости и гуманности, как «торжество британского правосудия». Такого рода заявление не может вызвать ничего, кроме самого гневного возмущения.

Перед нами опубликованный в Гейдельберге американской военной администрации сборник протоколов документов. Это материалы процесса двадцати трех фашистских врачей, который состоялся в Нюрнберге в конце 1946 — начале 1947 года. В сборник включены строго проверенные документы и протоколы, раскрывающие картину невиданных преступлений, совершенных ближайшими коллегами и единомышленниками Деринга.

Казадось бы, страшная летопись злодеяний нацистских палачей уже достаточно хорошо известна всему миру. И все же содержание этого сборника заставляет любого человека вновь содрогнуться и с новой силой возненавидеть всеми фибрами своей души фашизм, породивший эти дико-чуждые чудовища с университетским образованием.

Документы, фигурировавшие на процессе двадцати трех фашистских врачей, неопровержимо доказывают, что гитлеровские медики, в том числе и медицинский состав концентрационных лагерей, грубо попирали традиции медицины, как науки, были не только соучастниками преступлений лагерной администрации; они превратили лагерные застенки в острова страшных пыток тысяч людей, подвергавшихся различным «экспериментам» пыткам с явными научными целями.

Известно, что мысль о производстве физиологических и всякого рода иных экспериментов над заключенными в концлагерях принадлежала Гиммлеру; этот палач выдумал самую «идею», а практически ее разработали «гестаповцы от науки», в том числе и один из подручных Гиммлера, врач Зигмунд Рашер. Рашер являлся «автором» так называемых «терминальных опытов», а также говоря, опытов, при которых смерть подопытного человека заранее входила в намерения экспериментатора.

Участниками этих убийств были не только рядовые врачи, но и профессор. Один из них, ординарный профессор кафедры Страсбургского университета Эйген Гаген, являлся инициатором опытов по прививке сыпного тифа заключенным в концлагере Наттвайзер в Эльзасе. Среди опубликованных документов есть жалоба Гагена на то, что из присланных ему для этих опытов сто человек пригодными по состоянию здоровья оказались лишь 12. Поэтому он просил прислать ему еще сто заключенных в возрасте 20—40 лет и при этом обязательно более здоровых.

Палач с врачебным дипломом, Рашер не останавливался перед тем, чтобы убивать людей при производстве любых экспериментов. Так, обнаружив при вскрытии тела одной из своих жертв, погибшей в бараке, продолжавшем биться сердце, Рашер спокойно записывает электрокардиограмму; в дальнейшем только для того, чтобы повторить тот же опыт с целью установить, как долго бьется сердце во вскрытом теле, он уже намеренно убивает десятка людей.

Вслушав доклад о чудовищных опытах по перемещению костей молотом на операционном столе, по распелению костей и мышц, по перерезке нервов, опытах, которые немские хирурги под руководством профессора Гейбарта производили, в основном, на здоровых и молодых полах, главный врач войск СС Гравин нашел, что эти операции являются «обширными укусами и что нужно попытаться наносить настоящие огнестрельные раны».

Вот та гнуснейшая бесчеловечная практика, которой занимались хирурги фашистских концлагерей, практика, которую «не захотела заметить» британская Фемида и которая привела в такой восторг английского министра Чатер Ина!

Х. КОШТОЯНЦ,
действительный член Академии наук
Армянской ССР

Фашистские медики всемерно содействовали осуществлению преступного гитлеровского плана о насильственном умерщвлении «нездоровых больных» и недееспособных политических элементов, а также о «стотальном», прямом истреблении пельзы национальностей. Еще в 1935 году на съезде фашистской партии руководитель врачебного корпуса СС Вагнер выдвинул проблему «эвтаназии» (то означает «смерть из милости»), которой должны были быть подвергнуты по звериному закону фашистов «нездоровые» душевнобольные, казели, нетрудоспособные старики, а во время войны — «непогодные элементы».

Из «пунктов эвтаназии» гитлеровские врачи получали «материал» для «научных изысканий». Так, профессору Гальтервердену, по его требованию, из этих пунктов были предоставлены мозги 600 человек.

Зараженные растленной фашистской «наукой», фашистские врачи разработали звериную теорию и практику «генцида», то есть истребления целых народов.

Доктор медицины Алофф Покорный сообщил Гиммлеру в октябре 1941 года о результатах опытов своего коллеги доктора Маузауса из Дрездена по «мелкокапной стерилизации» соком растения «каладум соевнику».

Имперский уполномоченный «по укреплению германской расы» Гиммлер проявил большой интерес к этой очередной «инициативе» германских врачей, и в концлагерь начались опыты по стерилизации людей экстрактом «каладум соевнику». Для культивирования этого южноамериканского растения фашистские ботаники создали особые оранжереи.

Одновременно хирурги концлагерей продолжали вести массовую стерилизацию уже испытанным хирургическим путем, а также лезвием Рентгена. Фашистские рентгенологи сообщили Гиммлеру, что с помощью 20 рентгеновских установок с двумя трубками можно стерилизовать в день ст трех до четырех тысяч человек. Имелась в виду в короткие сроки стерилизовать 2—3 миллиона работоспособных мужчин и женщин, признанных нацистскими извергами «непогодными людьми» с тем, чтобы сохранить их в качестве рабочей силы для Германии, но в то же время лишить этих рабов фашизма способности к деторождению.

Такова далеко не полная картина активного соучастия фашистской науки в тягчайших преступлениях нацистских палачей против человечности. Если британские судьи, будучи осведомленными обо всем этом, могли все же со способной совестью оправдать одного из таких преступников — «доктора» Деринга, то это лишний раз свидетельствует о том, до каких чудовищных пределов растленность души сейчас англо-американские оккупационные фашисты!

Возникает вопрос: почему, однако, столь невозмутимо молчат об этом британские ученые, в частности, физиологи? Не потому ли, что некоторые из этих английских «человеколюбцев» не только соучаствуют палачам, но и сами пошел по пути эксперимента над живыми людьми?

В январской книжке распространяемого английского журнала «Нэчюр» за 1948 год была опубликована статья трех сотрудников отделения экспериментальной медицины Кембриджского университета, в которой приводятся результаты опытов над людьми в английской зоне оккупации Германии. Кто же был подопытными у этих английских «исследователей»? Немские рабочие, лежащие в госпитале из-за отравки от газа и истощения, а также заключенные!

Для того, чтобы проследить, как меняется активность фермента холинэстеразы крови при недодеании, британские ученые, по сообщению журнала «Нэчюр»,

решили произвести опыты над живыми людьми, хотя для этой цели вполне достаточно было ограничиться опытами над животными. И вот группа из 19 взрослых истощенных немцев подвергались в течение двух недель, после чего она была посажена на «германский рацион», — то есть на обычный «маршиализованный» паек, позволяющий вести лишь голодное существование.

В статье, опубликованной в январе 1948 года, английские экспериментаторы пишут о том, что их работа «активно ведется в настоящее время». А какой вывод они сделали из уже проведенных экспериментов? Только тот, что «средний уровень фермента холинэстеразы в сыворотке является четким показателем состояния питания всех групп населения сегодняшней Германии».

И такое ничтожное с точки зрения подлинно научной и несмысленно циничное с точки зрения поощрения элементарных человеческих прав сообщение спокойно печатается черным по белому в английском журнале, не вызывая при этом никаких протестов со стороны британской научной общественности! Не ясно ли, что некоторые английские ученые в данном случае не только одобряют проводимую англо-американскими властями политику рендикализации в Западной Германии, но и сами становятся на тот путь, которым шла кровавая «наука» в «Третьей империи».

Британские ученые, британские судьи, британские парламентарии очень любят вылавливать себя за законников и по всякому поводу хвалятся многостолетними «конституционными» традициями Англии. Кто же, знающим их: еще в прошлом веке английский парламент принял закон, согласно которому каждый экспериментатор, прежде чем приступить к работе, обязан получить лицензию парламента с определенным тоном количества опытов над животными, а также указанием авторитетного руководителя, под наблюдением которого должны вестись эти опыты, и места, где они должны производиться.

Не забыли ли об этом законе современные британские судьи, оправдавшие палача-хирурга Деринга? И почему воспоминание об этом законе выветрилось из памяти министра внутренних дел Великобритании, пышно объявившего оправдание фашистского врача «торжеством британского правосудия»?

В 1935 году великий русский физиолог Иван Петрович Павлов, вернувшись из Лондона, говорил нам: «В Лондоне мне совсем нельзя показываться. Антисанитарный, провинциальный журнал обязательно на меня вылавливает ведро ругани...»

Эти слова Павлов прозвучали в присутствии группы делегатов XV международного физиологического конгресса при открытии памятник собаке, установленного во дворе Института экспериментальной медицины в Ленинграде. Памятник этот был воздвигнут также в честь благородных устремлений физиологов, которые своими экспериментами над животными привнесли неоспоримое облегчение страдающему от множества болезней человеку.

И как девиз переходных физиологов-экспериментаторов, истинных поборников науки, на одном из его барельефов мы прочли высеченные по указанию Павлова слова: «Пусть собака, помощница и друг человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но ваше достоинство обязывает вас, чтобы это происходило непременно и всегда без нужного мучительства».

Славные традиции советского гуманизма предписывают проявление благородного и разумного милосердия даже к полонитым животным. А те, кто с ханжеской инерсией позиций осмысливали обвинять Павлова за его обогащавшие мировую науку опыты над собаками, теперь сами занимают недостоинными и антинаучными «экспериментами» над живым человеком, быстро догоняя в этом отношении фашистских извергов и «адютантов» палача Гиммлера!

Три года Венгерской Народной Республики

Три года тому назад — 31 января 1946 года — в Венгрии была провозглашена Народная республика.

Три года — срок небольшой. Но какой огромный прыжок вперед сделала Венгрия, возмужавшая рабочим классом и его передовым отрядом — коммунистической партией! Подорваны основы капитализма в городе и деревне. Главные промышленные предприятия, банки, земля перешли в руки трудящегося народа. Нанесен смертельный удар социал-демократизму и социал-демократической партии «облинились в единую марксистско-ленинскую партию трудящихся — боевой авангард демократии и социализма».

Невиданным подъемом трудового соревнования и творческого энтузиазма охвачен народ Венгрии. Досрочно выполнено задание первого года трехлетнего плана восстановления народного хозяйства. Народ ведет борьбу за выполнение «трехлетки» в два года и пять месяцев. Об успехах этой борьбы свидетельствует быстро преобразующийся облик страны.

Светом ярких электрических огней запыта возмужавшие города. На полную мощность работают шахты Печа, домы Дюшера и Озда, цехи Чельского машиностроительного комбината, алюминиевый завод в Айке, химического в Пети. Построены новая текстильная фабрика и электромеханический завод, новая мощная электростанция на Матре, государственный завод в Денечере... Романтика социализации охвачена Великая венгерская изменчивость. Рокот тракторов 110 машинно-тракторных станций слышится здесь с гулом стройки канала Тисса—Дунай.

Уже составлены позыли довоенные показатели во всех областях хозяйственной и культурной жизни страны. Народ уверенно смотрит вперед. Он готовит уже новый, пятилетний план — план построения основ социализма. Социализм стал знаменем борьбы Венгерской народной республики.

Венгерская республика родилась и закалялась в ожесточенной борьбе против англо-американской и внутренней реакции. Венгрия идет от успеха к успеху при неустанной дружеской помощи Советского Союза. «Мы во всех отношениях хотим быть достойными этой помощи и дружбы», — пишет газета «Натсала», — хотим благодарностью и любовью по отношению к Советскому Союзу, его великому вождю товарищу Сталину».

Как символ нерушимой дружбы между венгерским и советским народами, вознеслась над бывшей австрийской крепостью на горе Геллерт в немеркнущем свете солнца и прожекторов величественная статуя Свободы, воздвигнутая венгерским народом в честь воинов Советской Армии.

ФИЛЬМ, ПОМОГАЮЩИЙ БОРЬБЕ

Венгерская общественность с большим подъемом встретила появление на экранах фильма «Новая Венгрия», созданного дружным сотрудничеством советских и венгерских работников кинематографии.

В телеграмме, присланной на имя генерального секретаря ЦКП СССР А. Фалеза, генеральный секретарь Союза венгерских писателей Барабас и руководитель венгерского национального фильмопроизводства Рени от имени писательской и артистической общественности страны выражают благодарность за фильм, повышающий сознательность борющегося за социализм венгерского народа и служащий великому делу советско-венгерской дружбы.

Венгерская общественность с большим подъемом встретила появление на экранах фильма «Новая Венгрия», созданного дружным сотрудничеством советских и венгерских работников кинематографии. В телеграмме, присланной на имя генерального секретаря ЦКП СССР А. Фалеза, генеральный секретарь Союза венгерских писателей Барабас и руководитель венгерского национального фильмопроизводства Рени от имени писательской и артистической общественности страны выражают благодарность за фильм, повышающий сознательность борющегося за социализм венгерского народа и служащий великому делу советско-венгерской дружбы.

Павел РЕЙМАН Борьба за новую культуру в Чехословакии

В идеологической жизни Чехословакии сейчас происходят глубокие изменения. Важнейшим фактом, который может дать представление о характере этих изменений, является все возрастающий интерес к марксистско-ленинской литературе.

В последние месяцы издательства, напряженно работая и выпуская большое количество литературы, тем не менее не успевают удовлетворить спрос десятков и сотен тысяч новых читателей на произведения классиков марксизма-ленинизма. С 1945 года в стране разошлось множество произведений В. И. Ленина, более 200 тысяч экземпляров «Краткого курса истории ВКП(б)». Новое издание труда И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», вышедшее в декабре 1948 года тиражом в 50 тысяч экземпляров, целиком разошлось по предварительным заявкам. Многотысячные тиражи, столь необычные в прежней Чехословакии, изданы «Манифест Коммунистической партии», книга Клементы Готвальда «Десять лет» и другие.

Прямым следствием этого интереса к марксистско-ленинской теории, охватывающего широчайшие слои трудящихся, является также увеличение тиража политических и теоретических журналов «Творба» и «Новая мысль», издаваемых компартией.

Другая характерная черта нынешнего идеологического развития Чехословакии — это растущее отвращение к декадентской, псевдоинтеллектуальной и псевдонаучной литературе.

Когда несколько месяцев назад коммунистическая печать начала наступление против издания вредных, проникнутых гнетущей буржуазной идеологией книг, она встретила поддержку самых широких кругов трудящегося народа. В секретариате компартии (районные организации) приходили люди, которые, купив в каком-либо книжном магазине вредную книгу, требовали, чтобы продавец ее была признана виновной. Бывали случаи, когда рабочие типографий, где подготавливались к печати декадентские сочинения какого-нибудь социалистического поэта, приносили грани в культурный Центральный комитет компартии и спрашивали, следует ли им продолжать работу над этой книгой.

Все эти факты весьма знаменательны. Они отражают победу, одержанную передовой марксистско-ленинской идеологией над прогнившей, реакционной идеологией чешской буржуазии. Марксизм-ленинизм становится господствующей философией новой Чехословакии. Объясняется это тем, что наш народ на опыте Советского Союза наглядно убедился в том, что только великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина указывает правильный путь к решению жизненно-важных для человечества вопросов, путь к победе социалистического общества. Народ убеждается в этом теперь и на собственном опыте.

В февральские дни 1948 года демократы всего мира отмечали столетнюю годовщину времени опубликования «Манифеста Коммунистической партии». В Чехословакии столетие революционного учения Маркса — Энгельса было ознаменовано прекраснейшим революционным актом: наш народ сорвал попытку путча со стороны реакции и заложила прочную основу для будущего социалистического развития Чехословакии.

Февральская победа над реакцией явилась исходным пунктом не только для перестройки всей экономической и политической жизни страны на новых началах, но также и для коренного поворота в области идеологии и культуры — поворота к марксистско-ленинской теории.

До своего поражения в февральские дни реакция всячески пыталась добиться, чтобы деятели чешской и словацкой культуры ориентировались на буржуазный Запад. В этих целях она грубо фальсифицировала историю, «доказывая», в частности, «западное» происхождение культуры Чехословакии. Как известно, в XIX веке, когда правительство парской России разжигало панславянские стремления, чешская буржуазия хвалилась своим славянским происхождением, но после победы Великой Октябрьской социалистической революции она резко изменила свою позицию. В последние годы, после того как Советский Союз освободил малые славянские и другие народы от немецко-фашистского ига и когда стремление к сотрудничеству между этими народами получило новое социалистическое содержание, чешские реакционеры стали особенно преданяться перед западной культурой, перед такими гнусными ее направлениями, как, например, экзистенциализм. Тем самым они показали, что заинтересованы не в культуре, а исключительно в защите капиталистического денежного мешка.

Разгадка подлинный смысл воспитания буржуазии западной культуры, народ Чехословакии сделал необходимые выводы. Железной метлой он начал выметать из школ в университетов реакционные учебники, очистил высшие и средние школы от посаженных там реакционных профессоров и учителей, пресек попытку возрождения препринимательскую деятельность в области театра.

Борьба за новую культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме, занимает сейчас главное место в духовных устремлениях нашего народа. В этой борьбе бок с бок с трудящимися идут десятки тысяч людей из рядов интеллигенции, в передовых перекрестках которой находятся известные деятели новой культуры, давнишние соратники рабочего класса — нынешний министр школ, науки и искусства профессор Зденек Нецкы, выдающиеся народные писатели Иван Ольбрахт, Мария Пуйманова, Мария Майерова, Ян Дра, ученые Ладислав Штоль, профессор Травничек и другие.

Борьба за новую культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме, занимает сейчас главное место в духовных устремлениях нашего народа. В этой борьбе бок с бок с трудящимися идут десятки тысяч людей из рядов интеллигенции, в передовых перекрестках которой находятся известные деятели новой культуры, давнишние соратники рабочего класса — нынешний министр школ, науки и искусства профессор Зденек Нецкы, выдающиеся народные писатели Иван Ольбрахт, Мария Пуйманова, Мария Майерова, Ян Дра, ученые Ладислав Штоль, профессор Травничек и другие.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОБЕНЯЧУК, О. КУРГАНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

Прогрессивные деятели Чехословакии, которые стремятся сейчас построить национальную культуру, социалистическую по содержанию, понимают, что они не должны отбрасывать лучшие традиции чешского прошлого, а возможно более широко использовать сокровищницу чешской классической культуры.

Чешская культура развивалась в XIX веке и в начале XX века в специфических условиях — под гнетом австро-венгерской монархии. Несмотря на это, чешский народ сумел сохранить и развить свою собственную культуру, тесно связавшуюся с его борьбой за национальную и социальную свободу.

Идеями этой борьбы и патриотизма проникнутое творчество величайшего гения чешского народа, композитора Б. Сметаны. Те же идеи составляют содержание крупнейших литературных произведений Яна Кржальды и значение для чешской литературы достойно подчеркнут народный герой Чехословакии Юлиус Фучик в бессмертном «Репортаже с петлей на шее». Единственное признание во всем мире получило произведение Ярослава Хашека «Приключения бравого солдата Швейка».

Недавно президент республики Клемент Готвальд в одном из выступлений отметил значение творчества одного из замечательных чешских писателей — Алоиза Пракса. Президент подчеркнул, что Пракс в своих художественных произведениях «мастерски показал, какие наши традиции шут вперед, к свободе и расцвету народа. Его произведения учат нас правильно смотреть на наше прошлое, уславляют наше национальное самосознание и наполняют нас историческим оптимизмом и верой в творческие силы народа».

Сейчас в Праге создан специальный комитет по популяризации Алоиза Пракса. Комитет должен обеспечить издание большого тиражом и распространение произведений великого классика чешской прозы.

Нравные с идеей национальной свободы чешской культуре близка и великая идея социализма. За тридцать лет, прошедшие после образования Чехословацкой республики, писатели-коммунисты больше всего помогли развитию национальной культуры и воспитанию чешского народа в прогрессивном духе.

Уже в первые годы независимости страны, когда борьба между буржуазией и рабочим классом за то, какая будет внешне-политическая ориентация республики, достигла высшей точки, на сцену выступило первое поколение поэтов и писателей-коммунистов во главе с С. Неймайоу и Иржи Водкером. Решающее влияние на это поколение оказали Октябрьская социалистическая революция и Советский Союз — детище Ленина и Сталина.

Первым писателем-коммунистом, посетившим еще в 1919 году молодую Советскую Россию, был Иван Ольбрахт. Уже в те годы выступили со страстной защитой Советского Союза против клеветников всех мастей писатели С. Нейман и проф. З. Нецкы. В ряды коммунистической Чехословакии вступили тогда Мария Майерова, автор романов из жизни рабочих «Гудок» и «Шахтерская баллада», Мария Пуйманова и другие. Постепенно к коммунистам присоединялись и представители более молодого поколения, которые вступили на путь революционной борьбы несколько позже — в период общего кризиса капитализма. В их числе принадлежат первый марксистский историк чешской литературы Б. Вандалек, погибший от руки немецких фашистов, и прежде всего Юлиус Фучик, воспоминание о котором навеки останется в памяти миллионов трудящихся всего мира.

Таковы традиции, на которые опирается чешский народ в своей борьбе за новую социалистическую культуру. И все же это — не легкая борьба. Буржуазная упадочная идеология оказала губительное влияние на значительную часть интеллигенции, прежде всего на учащуюся молодежь. Реализованная реакционной идеологией проявилась и после того, как идеологические и политические условия, порождавшие ее.

Обращают на себя, в частности, внимание определенная идеологическая неустойчивость, колебания в тех кругах художественной интеллигенции, которые в последние годы приближались к рабочему классу и полны стремления найти путь к созданию новой социалистической культуры. На эту часть интеллигенции еще оказывают влияние формализм, некритический замствования и западной, в особенности, и французской культуры. В их среде часто проявляется склонность к механистическому или же идеалистическому толкованию марксистского учения. Это приводит к тому, что усилия народа в строительстве социализма еще не находят, в большинстве исключений, достойного отражения в художественном творчестве, оно пока отстает от темпов развития страны.

Компартия Чехословакии, а вместе с ней самая сознательная часть интеллигенции понимают, что подобное положение нетерпимо. И они ищут пути для преодоления отставания в области литературы и искусства. Важнейшей предпосылкой успеха в этом деле является систематическое марксистско-ленинское воспитание кадров интеллигенции, вытеснение и воспитание новых культурных кадров из среды рабочего класса и трудящейся интеллигенции, сближение интеллигенции с жизнью народа, широкая пропаганда и разъяснение новых задач в творческой деятельности.

В области строительства новой социалистической культуры, как и во всех остальных областях, огромную помощь нам оказывают великий пример Советского Союза и достойное продолжение лучших традиций нашего народа.

ПРАГА

В. СТАМБУЛОВ

Преступление турецких палачей

Получено сообщение о чудовищном злодеянии турецкой реакции — убийстве Сабахаттина Али. Рука злобного врага безжалостно оборвала в расцвете сил и творчества жизнь замечательного писателя и выдающегося передового деятеля, которым справедливо гордился молодежь прогрессивная турецкая литература.

Сабахаттин Али родился в 1907 году в небольшом городке Западной Анатоллии — Айванлыке. Окончив учительскую семинарию, он в течение нескольких лет преподавал в провинциальной школе, занимаясь одновременно литературной деятельностью. В 1934 году вышел в свет сборник его стихотворений «Горы и ветер», сразу высоко оцененный лучшими турецкими критиками. Образный народный язык стихов, романтический лиризм и неподдельная задушевность завоевали автору симпатии читателей кругов. В дальнейшем Сабахаттин Али обращается к прозе, пишет рассказы и повести, а в предвоенные годы — два романа: «Юсуф из Кююджака» и «Дьявол внутри нас». Наиболее ярко блестящий талант писателя проявляется в жанре короткого рассказа, в котором он достигает подлинного мастерства.

В своих прозаических произведениях Сабахаттин Али быстро проникает к ошеломляющим реалиям и становится художником-реалистом. Вместе с тем он шире и острее ставит в них жгучие социальные проблемы, занимающие постепенно основные места в его творчестве.

Чуткий наблюдатель, прекрасно знакомый с жизнью и бытом народа, он изображает неприкаянную турецкую действительность такой, как она есть. С большим художественным проникновением он верно и правдиво рисует своих незаметных героев — тружеников деревни и города. Он страстно бичует социальное зло и несправедливость, обрекающие их на черную нужду, казачищие их жизнь, лишают их самой малой доли человеческого счастья.

В его рассказах возникают мрачные картины турецкой деревни с ее беспробитной нищетой и безправием. Помещик, кулак, ростовщик держат в страшной кадыке бедняка. Нужда и темнота порождают смертельную вражду между соседями за клочок земли («Чайник») или за несколько велег по долине воды («Арык»). Крестьяне вынуждены извращались в возможности беспристрастного правосудия, что отягчают печальную старуху жаловаться в суд на богача-агу, убившего ее единственного сына и кормильца («Двуколка араба»).

С той же живительной правдой изображает Сабахаттин Али и положение горюдой бедноты.

Непримиримость между теми, кто защищает свое сытое существование, и теми, кто борется за счастье народа, ярко отражена в рассказе «Враги», где достигший благополучия человек предательски выдает приглашенного им к себе бывшего друга, разыскиваемого полицией. «Скры-

вать врага, значит предавать тех, кто меня охраняет», — такой философией оправдывает он свой ползлый поступок.

Демократическая направленность творчества писателя, неизменно присутствующая в его произведениях, политическая острота, мужественная критика режима гнета и провала, царящего в современной Турции, возбуждали против него жестокую ненависть реакционных кругов. Али отстраивает от скромного поста в издательском отделе министерства просвещения, на который он был назначен в 1938 году. Писатель переживает в Стамбуле, где всецело отдается публицистической и журналистской деятельности.

Во время войны он смело выступает против турецкого фашизма и прогерманской ориентации Турции. Весной 1944 года беснувшаяся фашистская хулиганья жгут на кострах его книги. Прогрессивные газеты, в которых он сотрудничает, подвергаются непрерывным гонениям, и их закрывают одну за другой. В конце 1946 года Сабахаттин Али основывает собственный орган «Марш-паша», на смену которому после его закрытия приходит «Мерхум-паша». В этих органах писатель смело продолжает борьбу против реакционной диктатуры, фашизации Турции, против превращения ее с помощью «доктрины Трумана» и «плана Маршалла» в колонию американского империализма.

Реакция не перестает травить Сабахаттина Али, рстачает по его адресу невысмысленные угрозы. Его имя прилетает ко всем клеветническим басням о «коммунистических заговорах». Его неоднократно заключают в тюрьму. В начале 1948 года его сажают на скамью подсудимых по делу об издании «Мерхум-паша». Но на этот раз даже обычно послушный правосудию суд не осмеливается стать от-

крытым пособником реакционных машин и выносит писателю оправдательный приговор.

Расчеты реакции, надевшейся, подобно тому, как она сделала это с известным поэтом Назим Хикметом и писателем Юсуф Деринг, надолго упрятать в тюрьму человека, к голосу которого чутко прислушивалась турецкий народ, провалились. И реакция не остановилась перед полым злодеянием, чтобы заставить замолчать этот столь опасный для нее голос. Убийство Сабахаттина Али тайно совершено еще в апреле прошлого года и только случайно обнаружено недавно.

Признавшийся в преступлении бандит Эртакли был лишь послушным орудием высокопоставленных вдохновителей и организаторов убийства. Об этом ясно свидетельствует уже один тот факт, что реакционная печать вроде «Ер Гюн», откровенно превозносившая убийц, не считает даже нужным скрывать свое ликование по поводу убийства писателя и всячески старается оправдать преступление фантастическими вымыслами о том, будто Сабахаттин Али «собирался совершить революционное правительство» и т. п. Эту клевету не стесняется распространять и офинюз «Уагус».

Реакция осмелилась уничтожить известного писателя и мужественного борца за свободу и национальную независимость Турции. Но она не в состоянии заставить забыть его замечательные произведения, не изгладить его светлое имя из памяти турецкого народа. Подлое убийство, за которое реакция разводит позно понесет суровую кару, покрыта не несмыслимым позором в глазах всего прогрессивного человечества.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-й Международный

Обыденский пер. 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — 6-47-41; отделы: литературы и искусства — 6-43-29, внутренней жизни — 6-47-20, отдел писем — 6-38-60, издательство — К-036-84, Г-64-45.

Телефоны: секретариат — 6-47-41; отделы: литературы и искусства — 6-43-29, внутренней жизни — 6-47-20, отдел писем — 6-38-60, издательство — К-036-84, Г-64-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б-00165.